

В.Э. Березко

Соотношение интернационализма и национальных интересов в государственно-правовой идеологии западноевропейского марксизма

Полагаю, что настало время остановиться на малоизвестном и почти неизученном аспекте идеологии марксизма. Считалось практически аксиомой, что марксизм сугубо интернационален. Однако довольно легко разглядеть за этой декорацией реализацию исключительно германских национальных интересов. Особенно показательны в этом смысле статьи, опубликованные классиками в «Новой Рейнской газете».

Полагаю, что максимально точный анализ работ Маркса и Энгельса с указанной точки зрения провел писатель Николай Ульянов. Символично, что у этого критика марксизма фамилия оказалась такой же, что и у одного из главных последователей данного политико-правового учения. В 1968 году появилась его работа «Замолчанный Маркс», где сделан акцент на геополитических моментах политико-правового наследия Маркса и Энгельса. Он подчеркивал, что «за несколько последних десятилетий, корабль марксизма подвергся жестокому обстрелу и зияет пробоинами; самые заветные его скрижали ставятся, одна за другой, на одну полку с сочинениями утопистов. Позорная же шовинистическая страница ...все еще остается неведомой подавляющему числу последователей и противников Маркса»¹. По справедливому замечанию Ульянова, это «высказывания, о которых ортодоксальные марксисты стараются не говорить как о секретной болезни. Именно сейчас, когда мировая революция делает ставку на национальные противоречия, когда ни “пролетариат”, ни “революционное крестьянство”, ни, даже “трудящиеся” не фигурируют в революционном словаре, уступив место “народам”, “сегрегациям”, “расовым дискриминациям”, полезно открыть запечатанную книгу и посмотреть, что писал о “расах” тот, кто призывал пролетариев всех стран соединяться и кто считается создателем современного учения о политическом расширении национальной проблемы. Говорю “считается”, потому что на самом деле это учение создано не им, а его эпигонами в эпоху II Интернационала»².

Особенно предвзятость классиков проявляется при анализе оценок, которые они давали происходящим в то время народным восстаниям. Ульянов по этому поводу отмечал: «В революционном 1848 году поднялись венгры и чехи. Оба восстания имели одну и ту же цель – вырвать свою страну и народ из-под австрийской власти. Но все симпатии Маркса-Энгельса принадлежали только одному из них – венгерскому; другое, чешское, упоминается не иначе, как с величайшей злобой, оно объявлено “реакционным” и чехам грозят за него мстью»³.

А Россию классики марксизма рассматривали как опасного геополитического конкурента, фактически – как вероятного противника. И поэтому никакие прошлые заслуги перед Европой не могут заслонить главного греха – разделенной Германии. Классики высказались очень откровенно: «Русское правительство ...охотно разрешает нам *моральное* единство Германии, но только не *материальное* единство, только не вытеснение существовавшего до сих пор Союзного сейма властью, основанной на

¹ Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 42.

² Там же. С. 6. И еще одно существенное замечание автора работы: «Напрасной была бы попытка представить эти настроения как временные или как заблуждение молодости. Они сопровождали Маркса до могилы» // Там же. С. 28.

³ Там же. С. 7.

народном суверенитете, властью не только кажущейся, а действительной и твердой центральной властью! Какое великодушие!»⁴.

Но своего рода лакмусовой бумажной, наглядно демонстрирующей отношение классиков марксизма к геополитическим проблемам, является, на мой взгляд, публикация Энгельсом в двух номерах "Новой Рейнской газеты" критических заметок, посвященных брошюре Михаила Бакунина под названием: «Призыв к славянам».

Здесь уже отчетливо проявляется разделение народов на «революционные» и «контрреволюционные». Так, Энгельс писал: «Горький опыт привел к убеждению, что “братский союз европейских народов” может быть осуществлен не при помощи пустых фраз и благих пожеланий, а лишь при помощи радикальных революций и кровавой борьбы; что речь идет не о братском союзе всех европейских народов под одним республиканским знаменем, а о союзе революционных народов против контрреволюционных, союзе, который может быть осуществлен не на *бумаге*, а только на *поле сражения*»⁵.

Парадоксально, но классические постулаты революционного учения у Энгельса фактически оказываются некими фантомами, когда происходит их столкновение с геополитическими реалиями. Вождь разъясняет непонятливым, как следует к ним относиться в подобном случае. И стоит ли при решении **серьезных** политических вопросов принимать данные постулаты как аксиомы. Энгельс высказался предельно откровенно: «“Справедливость”, “человечность”, “свобода”, “равенство”, “братство”, “независимость” – до сих пор в панславистском манифесте мы не нашли ничего другого, кроме этих более или менее моральных категорий, которые, правда, очень красиво звучат, но в исторических и политических вопросах *ровно ничего не доказывают*»⁶.

При этом сторонник интернационализма твердо убежден, что «революционные» народы могут – «в интересах цивилизации» – силой оружия навязывать собственную волю народам «контрреволюционным». Как совершенно справедливо заметил Николай Ульянов, «историческими народами были для них те, которые преуспевали в смысле материального процветания и на его основе создали крепкую государственность и культуру. Они – носители прогресса, хозяева истории. Им позволено устранять со своего пути народы отсталые, забирать их земли, богатства и самих уничтожать»⁷.

Энгельс при этом даже иронизирует над Бакуниным по поводу убеждений последнего: «И бросит ли Бакунин американцам упрек в “завоевательной войне”, которая, хотя и наносит сильный удар его теории, опирающейся на “справедливость и человечность”, велась, тем не менее, исключительно в интересах цивилизации? И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с ней сделать? ...Конечно, “независимость” некоторого числа калифорнийских и техасских испанцев может при этом пострадать; “справедливость” и другие моральные принципы, может быть, кое-где будут нарушены; но какое значение имеет это по сравнению с такими всемирно-историческими фактами?»⁸.

В своем анализе Ульянов блестяще подметил отношение Маркса и Энгельса к франко-прусской войне. Вожди мирового пролетариата, едко замечает Ульянов, «решительно одергивают простака Либкнехта, когда тот честно, по социал-

⁴ Русская нота // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 5. С. 314.

⁵ Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 290.

⁶ Там же. С. 292.

⁷ Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. С. 8.

⁸ Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 292-293.

демократическому уставу, вздумал обличать свое правительство и чинить неприятности Бисмарку»⁹.

Интересны в этой связи рассуждения Энгельса по поводу права народов на собственную историю. Он фактически отказывает в нем австрийским славянам, чехам и словакам¹⁰.

А причину такого отказа народам в праве на историю Энгельс откровенно называет в той же публикации на страницах «Новой Рейнской газеты». Так, он писал: «Германия и Венгрия *не могут* дать отрезать себя от Адриатического моря по “географическим и коммерческим соображениям”, которые, правда, не являются препятствием для фантазии Бакунина, но, тем не менее, существуют и представляют для Германии и Венгрии такой же жизненный вопрос, как, например, для Польши берег Балтийского моря от Данцига до Риги. А там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах немцев или славян не играет никакой роли!»¹¹.

И дальше следует рассуждение уже не классика интернационализма, а скорее – представителя германского генштаба. Энгельс с негодованием восклицает: «Поистине, положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых “прав”! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемско-моравское государство; Австрия и Штирия были бы отрезаны “южнославянской республикой” от своего естественного выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обглоданный крысами хлеб!»¹².

По мнению Энгельса, именно немцы дали возможность славянам подняться на историческую сцену. Он подчеркивал, что «в эпоху, когда вообще в Европе крупные монархии стали “исторической необходимостью”, немцы и мадьяры соединили все эти маленькие, хилые и бессильные национальности в одно большое государство и тем самым сделали их способными принять участие в историческом развитии, которому они, предоставленные сами себе, остались бы совершенно чужды! ...Без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается, и если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались таким же мягкосердечием, к которому ныне апеллируют панслависты в интересах своих ослабевших клиентов, что стало бы тогда с историей!»¹³.

Энгельс ничуть не сомневается в том, что славяне – враги прогресса и революции. В следующем номере «Новой Рейнской газеты» он писал: «Но в то время как французы, немцы, итальянцы, поляки, мадьяры подняли знамя революции, *славяне*, как один человек, выступили под знаменем *контрреволюции*. Впереди шли южные славяне, которые уже давно отстаивали свои контрреволюционные сепаратистские поползновения против мадьяр; далее чехи, а за ними *русские*, вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения»¹⁴.

И Энгельс грозит славянам суровой местью: «За перспективу своей жалкой “национальной самостоятельности” они предали демократию и революцию австрийской монархии, этому “центру”, “который служит систематическому проведению деспотизма в

⁹ Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. С. 19-20.

¹⁰ См.: Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 294.

¹¹ Там же. С. 295-296.

¹² Там же. С. 296.

¹³ Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 298.

¹⁴ Там же. С. 301.

сердце Европы», как говорит сам Бакунин... За это трусливое, подлое предательство революции мы когда-нибудь еще жестоко отомстим славянам»¹⁵.

Главный упрек, который Энгельс адресует «панславистам», заключается в том, что «у всех панславистов национальность, т.е. фантастическая общеславянская национальность, стоит *выше революции*»¹⁶.

И тут уже не до интернационализма! Энгельс писал: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам. ...Если революционный панславизм ...будет отрекаться от революции всюду, где дело коснется фантастической славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать. ...Борьба, “беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть” со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции!»¹⁷.

Следует заметить, что и Маркс и Энгельс всячески пропагандировали «революционность» Польши и ее стремление к «независимости»¹⁸. Карл Маркс произнес даже специальную речь на польском митинге.

Главная мысль - независимая Польша станет своеобразным заградительным барьером между Россией и Европой¹⁹.

И главная причина подобного отношения к Польше, как к санитарному кордону, это – тревога по поводу растущей экспансии России.

Парадоксально, но негативное отношение Маркса к России²⁰ остается даже тогда, когда он переходит от клеймения «завоевательной» политики русского государства к оценке такого важного события в русской истории, как отмена крепостного права. Освобождение крестьян, убежден Маркс, вовсе не означает приобщение России к «цивилизованным» народам.

Анализ работ Маркса и Энгельса приводит к выводу, что главная причина «контрреволюционности» (а также – реакционности и антипрогрессивности) русских заключается вовсе не в их отношении к учению марксизма или теории социальной

¹⁵ Там же. С. 302.

¹⁶ Там же. С. 305.

¹⁷ Там же. С. 305-306.

¹⁸ Причину такого отношения, полагаю, опять-таки очень точно указал Николай Ульянов: «Поляки были им милы, прежде всего, как враги России. ...Государственное восстановление Польши прокламировалось не для блага польского народа, а как средство разрушения Российской империи» // Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. С. 30, 31.

¹⁹ См.: Маркс К. Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. С. 208.

²⁰ Ульянов по этому поводу отмечал: «Никто никогда не говорил о России с такой проникновенной ненавистью, как Маркс; разве что его русские ученики, считавшие эту ненависть одной из самых святых и правых. ...Россия должна провалиться в Тартар, либо быть раздроблена на множество осколков путем самоопределения ее национальностей. Против нее надо поднять европейскую войну, либо, если это не выйдет, - отгородить ее от Европы независимым польским государством. Эта политграмма сделалась важнейшим пунктом марксистского катехизиса, аттестатом на зрелость» // Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. С. 31, 32-33.

революции. Главная причина яростной критики со стороны классиков - «завоевательная» политика России, а точнее – последовательное отстаивание собственных национальных интересов. И даже отмена крепостного права, опередившая, кстати, уничтожение рабства в Соединенных Штатах, не меняет отношение Маркса к русскому государству. В его глазах Россия по-прежнему остается «варварской» страной.

Показательна в этом смысле и статья Маркса, напечатанная в газете «Нью-Йорк Дэйли Трибюн» 14 июня 1853 года. Особую ярость классика вызывает возможность обретения Россией новых территорий²¹. Возмущение Маркса становится особенно понятным, когда он с бухгалтерской щепетильностью и, предположу, с некоторой долей зависти, начинает подсчитывать, как расширились русские границы со времен Петра Великого. В направлении Берлина и Дрездена они продвинулись на 700 миль. Приблизительно 500 миль – к Константинополю. Примерно 630 миль в направлении Стокгольма. И больше всего – около тысячи миль – к Тегерану.

И дальше Маркс подводит итог: «Приобретения, сделанные Россией за счет Швеции, охватывают бо́льшую территорию, чем оставшаяся часть этого королевства; в Польше ее приобретения почти равняются всей Австрийской империи; в Европейской Турции они превышают размеры Пруссии (без рейнских владений); в Азиатской Турции они так же велики, как вся собственно германская территория; в Персии они по своим размерам не уступают Англии; в Татарии их протяженность равна Европейской Турции, Греции, Италии и Испании, вместе взятым. Территориальные приобретения, сделанные Россией за последние шестьдесят лет, в своей совокупности равняются – по размерам и по значению – всей той империи, которой Россия обладала до этого в Европе»²².

Рассуждения классиков интернационализма и вождей мирового пролетариата по поводу геополитических реалий приводят к необходимости завершить изложение данного параграфа следующим риторическим вопросом из статьи Николая Ульянова: «Не напоминает ли эта бредовая мысль о Священной Социалистической Империи Германской Нации, в которую не внидет ни один народ-унтерменш, знакомый нам образ Третьего Рейха?»²³.

²¹ См.: Маркс К. Турецкий вопрос. – «Times». – Расширение России // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. С. 118-119.

²² Там же. С. 119.

²³ Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. С. 41-42.